

НА ВОЛГЕ

Солнце уже опустилось за высокий берег Волги, и половина широкой водяной глади была в тени. А дальше, к другому берегу, она розовела и на гладких изгибах волны отливала темно-красным и лиловым цветом.

Березки на низком левом берегу надули свои тройчатые почки, которые краснели на закате, четко вырисовываясь в чистом весеннем воздухе.

Было самое начало весны, когда река, еще мутная, плавно катила вниз свои полные воды, и только у островов и прибрежных каменных кос были видны перевивавшиеся струи, окрашенные тихими красками заката.

С высокого каменистого берега по извилистой тропинке спускались четыре человека: три военных и одна женщина, скорее девушка, тоненькая, в коричнево-мх платице, похожем на гимназическое, с длинным шарфом, обмотанным вокруг шеи.

У двух передних были на плечах лопатки, а шедший сзади них военный, с серебряными офицерскими погонами и желтой кобурой револьвера на боку, держал в руках сломленную палку, которой беззаботно сбивал по дороге камешки.

Когда стали спускаться с крутого места, он, опираясь на палку, протянул было галантно -девушке руку, чтобы помочь ей. Но она, с мелькнувшей на ее лице едва заметной болезненной судорогой, отдернула свою руку.

- Вы так ненавидите меня? - спросил, улыбнувшись, ее спутник.

- Нет, - ответила девушка, - это не имеет практического смысла.

- А если бы имело, вы сделали бы все возможное?..

- За меня сделают уже другие. Вы только не дотрагивайтесь до меня. Лучше дайте палку.

И она, опираясь на палку, ставила ноги в туфлях боком и спускалась, переставляя все одну ногу вперед.

Ее тонкое нервное личико постоянно менялось в своем выражении. Она то улыбалась своему испугу при спуске, то поднимала голову и, задержавшись на секунду, обводила взглядом необъятный горизонт сидящих на том берегу лесов и песчаных отмелей, на которых уже зажигались боровшиеся с зарей красные и белые огоньки баканов, отсвечивавшие зигзагообразной черточкой в спокойной воде широкой реки.

При этом у девушки появлялось странное выражение какой-то ненасытности, с каким она оглядывала бесконечный простор реки, небо и далекие леса.

Ее руки делали движение сжаться на груди, и на глазах наворачивались слезинки. Но страшным усилием воли она давила в себе эти слезы и до боли стискивала зубы.

Когда офицер оглядывался на нее, она начинала улыбаться, как улыбается человек, которому жгут руку, но он не хочет показать своей слабости:

- Меня мучает, - сказала девушка, - что я не написала письма.

- Не все ли равно теперь? - проговорил офицер. - А вот вы оделись очень легко, сейчас на дворе сыро, пока доедем, продрогнете.

Это был человек лет тридцати, блондин, с острой бородкой.

Его разделяемые ложбинкой плечи, высоко сидящий на тонкой талии кожаный пояс и сапоги из тонкой мягкой скрипучей кожи делали его фигуру красивой, легкой и жизнерадостной.

Иногда он снимал свою офицерскую фуражку с кокардой и, оглядывая весенний простор, проводил рукой по коротким волосам. И этот жест напоминал о теплых днях весны, когда голова на быстрой ходьбе делается влажной от жаркого пота под фуражкой и хочется снять фуражку и пройти с непокрытой головой, подставляя свежему ветру разгоряченный лоб с выдавившимся на нем красным кругом.

Спустились к реке. Солдаты, гремя цепью, отвязали большую широкобокую лодку, окрашенную в защитный военный цвет.

Офицер закурил толстую желтую папиросу и несколько времени, не бросая, держал горящую спичку, пламя которой, совсем не колебалось в неподвижном вечернем воздухе.

- Как тихо... - сказала девушка, задумчиво глядя на спичку.

- Да, дивный вечер.

Солдаты отвязали лодку и подвели ее нос к каменистой косе, на которой стояли девушка и офицер.

Девушка как-то замялась, когда офицер подал ей руку, чтобы помочь войти в лодку. У нее на секунду мелькнуло на лице выражение ужаса. Она даже отшатнулась от офицера, но сейчас же оправилась и без его помощи вошла в